

МОСКОВСКИЕ
НОВОСТИ. С. 4.

Александр Солженицын: тридцать лет и три года

Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?

А.И. Солженицын. Нобелевская лекция.

С тех пор как Солженицын после двадцатилетнего изгнания вернулся на родину, минуло три года. Срок достаточный, чтобы вникнуть и в факт, и в итог возвращения. Впрочем, когда речь заходит о писателе такого масштаба и личности такого уровня (еще в 1974 году Лидия Чуковская назвала Солженицына «человеком-легендой»), каждая из его творческих дат, круглая и некруглая, выглядит весьма убедительно.

Исполнилось тридцать лет с того дня (16 мая 1967 г.), когда автор «лагерной повести», протестуя против цензурного произвола и не имея доступа к высоким общественным трибунам, обратился к IV съезду Союза советских писателей, в том числе и с такими словами: «Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь – косметики».

Исполнилось двадцать три года знаменитой Нобелевской лекции; и в этой лекции, по традиции предполагавшей обнародовать взгляды лауреата на природу искусства, он предал широчайшей международной гласности свое понимание писательского долга. «Однажды взявшись за слово, – писал Нобелевский лауреат, – уже потом никогда не уклониться: писатель не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом».

Исполнилось двадцать три года знаменитому солженицынскому призыву «Жить не по лжи!» и пятнадцать лет полемической работе «Наши плюралисты» – столь же дерзновенной, сколь и горькой. Семь лет назад в СССР была опубликована брошюра «Как нам обустроить Россию?» и три года назад, накануне отъезда из Вермонта, – статья «Русский вопрос к концу XX века». Вместе с «Одним днем...», «Архипелагом» и «Красным колесом» прямое слово Солженицына и само его существование в стране и мире неузнаваемо изменили реальность, повернули время и создали новые координаты общественного бытия.

Теперь, оглядываясь на творческий путь Солженицына, нельзя не увидеть одну и ту же тенденцию противостояния первого русского писателя и современного ему общества. В каждый данный отрезок времени это общество – его верхний культурный слой – с азартной готовностью обнаруживает свой основной революционный инстинкт, властно требующий сокрушить мировой авторитет писателя, принизить его уникальное влияние. То обстоятельство, что нигде в мире так не работает евангельское положение о пророка в своем отечестве, как у нас, многократно усиливается каким-то мстительно-завистливым раздражением – Солженицыну не могут простить ни его бескомпромиссного одинокого подвига (разоблачительно высветившего общественный конформизм советской элиты), ни исторической правоты автора «Архипелага». Нехотя, всколыхнув упоминание об этом, «общественное мнение» (в пушкинские времена более известное под словом чернь) торопится убедить мир, что сегодняшний Солженицын – сосуд пустой, кумир поверженный.

Только в те несколько лет, когда покой советской литературы был взбодражен взрывной силой «Ивана Денисовича», в то самое время «нерасчлененных понятий», и казалось безоговорочным сочувствие к нему культурного круга. Тогда еще не было понятно, что поддержка его «всем передовым обществом» есть явление временное, недоразумение. Недоразумение, однако, рассеялось: уже в начале восьмидесятых автор «Архипелага» запечатлел неоспоримое: «Сколько лет в бессильном кипении советская образованщина шептала друг другу свои язвительности против режима. Кто бы тогда предсказал, что писателя, который первый и прямо под пастырь все это громко вызвездит режиму в лоб, эта образованщина возненавидит люте, чем сам режим?»

Кто мог предвидеть три года назад,

перед возвращением изгнанника на родину, что не пройдет и недели, как та же самая образованщина с удовольствием примет за грязную работу и начнет снова глушить его, а позже и вовсе отнимет телеэфир? Никто, только он сам: слишком далеко видел и слишком хорошо чувствовал «гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». А потому и сказал еще там, на Западе, за считанные дни до вылета: «Я очень допущаю, что буду нежелательной персоной и меня будут лишать свободы слова. И я на это иду».

Между тем никто из тех передовиков общественного прогресса, кто нетерпеливо требовал снятия солженицынских программ с телевидения за их якобы скуку и непопулярность, даже и глазом не моргнув, когда была публично названа истинная причина акции: «в ситуации предвыборной кампании мы не могли пойти на то, чтобы предоставлять телевизионную трибуну человеку, выступающему с таких позиций, даже если он Солженицын» (недавнее интервью с Сергеем Благоволитым в «Новой газете»). «Стыжусь до сих пор того, как похамски в октябре 1995 года был снят с эфира Солженицын», – добавил ответственный телевизионщик, оставшись по части стыда одиноким исключением.

Всякое общество характеризуется своим отношением к фундаментальным ценностям и своей способностью вовремя, а не задним числом, признать их таковыми. Отношение к Солженицыну как прежде, так и сейчас – не вопрос эстетических предпочтений в литературе или направления в политике, а показатель нравственного состояния общества, тест на его умственную состоятельность, знак качества. В этом смысле сегодняшнему «культурному кругу» особенно хвалиться нечем.

«Каждого поэта, – с грустью писал Солженицын, – и не один раз в жизни, должно достичь ослиное копыто». Как и в «те еще годы», когда инициаторами травли писателя были габэшские разработчики и оперативники, ляпавшие на него то расовый, то классовый, то бытовухи компромат по-советски (поперемменно: фашист, помещик, дезертир, еврей, полицей, продавшийся Западу иуда), так и сейчас постсоветская «дворянская печать» (выразительнейшее определение Солженицына восьмидесятых годов ничуть не устарело) вырывает друг у друга куски полакомее, что-нибудь эдакое – с гнильцой и тленом. В академике-то его избрали, но шумиха вокруг его имени издается отнюдь не академическая.

Да вот только откуда же теперь в свободной печати, охотно дающей под обличьем Солженицына квадратные метры своих площадей, берутся эти лакомки, с ослиным копытом (не говоря уже о сортирной сатире, захватившей самые престижные концертные залы)? И какие преследуют цели, пиная-распиная писателя, причем пребывая в комфортной уверенности, что нет таких чинов и таких общественных авторитетов, кто бы мог одернуть пакостников и поставить на место?

Или вот «братья по перу и по труду», как их вслед за секретарем СП

на том знаменитом – 1967 года – секретариате окрестил Солженицын («эти братья по перу и по труду уже два с половиной года спокойно взирают на то, как меня притесняют, преследуют, клеветают на меня»). Нынешние «братья» не то что взирают – сами норовят укусы побольше. Есть для этих целей и специальный прием.

Ах, как хочется, соорудив скорбную мину, посотевать, что нет больше прежнего Солженицына, титана и борца, антикоммуниста и кумира интеллигенции. Нет великого диссидента, бунтаря, но одновременно же и демократа (знаменательно, что, отнимая у Солженицына звание демократа, именно его оппоненты ехидно посмеиваются, когда писатель говорит о земстве и народном самоуправлении).

Александр Солженицын

Но зато: почему он не отбыл от лефортовской охраны и дал себя посадить в самолет, в котором спокойно летел, а не бил стекла? Почему не умер от сухой голодовки во франкфуртском аэропорту или позже в Америке от тоски по родине? Почему поссорился с Западом, который приютил и приласкал его? Почему одевается не так, как мы, а в какие-то толстовки и поддевочки? Почему вернулся в Россию с Востока? Почему живет в лесу, в уединенном доме и не подходит к телефону? Почему помолодел и посвежел, когда все постарели и обзиделись? Почему не ходит вместе с нами на митинги и не голосует, как мы? «Культ личности Солженицына в значительной мере прошел – он сам его разрушил», – пишет один из «братьев», который правильно одевается и правильно голосует. Но что же это за культ такой, если личность сама не ставит его ни в грош и живет по своим правилам?

Недоволен и другой «брат» – печатаются новые рассказы Солженицына, и неразборчивая, «расшаркивающаяся» критика почему-то воспринимает их всерьез. Как она смеет, одергивает брат-литератор глупую критику, ведь «художественная деградация чудовищная». «Но у нас культ Солженицына, правду в глаза ему никто не говорит», – сетует этот брат-правдолюб, запамятовав, должно быть, что это только царям лукавые царедворцы не говорят всей правды, а писатель в России не защищен не только от

правды, но и от самой паскудной клеветы. И вот усердствуют пасквилянты, не пропускают и самой малости в надежде прогнать: «Вы слышали, как такой-то наехал на Солженицына?» Тут тебе и слава, тут и успех. Тут, видимо, и заработок.

Правда же, непереносимая для многих ревнивых и завистливых «собратьев», заключается как раз в том, что Солженицын, привезя в Россию двадцать четыре тома своих сочинений, устроился в стране не памятником самому себе, а живым и работающим литератором. За три года он побывал с выступлениями в 26 областях России, написал и опубликовал, помимо больших публицистических работ, семь двучастных рассказов и серию «Крохоток» – стихотворения в прозе. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там не мог», – признался писатель. «Кто хочет увидеть единым взором, в одном окоме, нашу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калязинскую колокольню. Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города, близ Гостинного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков, на своем восьмом веку будет невежественной волей властителей затоплен на две трети в Волге... Но осталась из утопленного города высокостроенная колокольня... Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Россию до конца не попустит Господь утопить...»

Об этом сказано – «бесконечно эстетически устарело»?

Правда открывается также и в том, что всего год назад впервые в России и вместе со всеми приложениями увидели свет мемуары «Бодался теленок с дубом» (приверженцам коммерческого направления в книгоиздательском деле любопытно будет узнать, что первый тираж мемуаров разошелся мгновенно, хотя московский читатель давно знаком с ними). И что сейчас, буквально в данный момент, Солженицын работает над последней редакцией «Очерков изгнания» («Угодило зернышко промеж двух жерновов») и, приняв решение осмыслить личные впечатления от страны и людей, начал новую книгу мемуаров «Очерки возвратных лет», которые, совершенно очевидно, станут мировым литературно-художественным событием. Но эту правду «братья по перу и по труду» привычно стараются замолчать.

Отрядна и редкостна по нынешним временам еще одна правда: у самого Солженицына и в помине нет этой раздраженной ревности, этой изнурильной зависти к чужому таланту – напротив: всегда жива была жажда чужой талант всенародно называть и поддерживать. Меня неизменно поражает его письмо в Шведскую Королевскую Академию, написанное еще в СССР в апреле 1972 года, сразу после того, как стало ясно, что вручение присужденной Нобелевской премии на территории страны проживания не состоится ни в какой форме. И вот он просит Нобелевский комитет «не поддаваться рутине очередности» и рассмотреть

кандидатуру Владимира Набокова: «Это писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, какое мы зовем гениальностью. Он достиг вершин в тончайших психологических наблюдениях, в изощренной игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блистательной композиции. Он совершенно своеобразен, узнается с одного абзаца – признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение».

Это, что ли, называется ретроградством, мракобесием, эстетическим юродством? Но ведь и сегодня, публикуя очерки из «Литературной коллекции» – уже напечатаны заметки о Пильняке и Тынянове, а впереди ожидаются о Пантелеймоне Романове, Замiatине, Шмелеве, Марке Алданове, Глебе Успенском, Андрее Белом, – Солженицын выступает и как читатель высокой пробы (ныне обязательный репертуар чтения составляют основные «толстые» журналы и любимый Карамзин), и как мастер-художник. «Каждый такой очерк, – пишет он о «Коллекции», – это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытка проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он эту задачу выполнил».

Это считается культом личности? Много ли нынче сыщется авторов, которым есть дело не только до самих себя и кто ищет душевных соприкосновений с кем бы то ни было? А ведь Солженицын еще и лично встречается с огромным количеством людей из Москвы и провинции – литераторами, учителями, членами общественных движений, принимая их или дома, в Троице-Лыково, или в своем литературном представительстве (в той самой квартире в Козлицком переулке, откуда в феврале 1974 года он был увезен в Лефортовскую тюрьму) и отдавая этим встречам целые дни по нескольку раз в месяц.

Ныне – кто бы мог надеяться на это еще десять лет назад! – произведения Солженицына вернулись в Россию в полном объеме. Но при всем видимом писательском благополучии автора дистанция между ним и русским читателем сохраняется – и это тоже одна из правд. «Красное колесо» – художественное исследование двух революций, многотрудное послушание изгнанника, давшее смысл всем его предшествующим литературным усилиям и запечатлевшее поворотный момент в истории человечества, – застряло в российском бездорожье, да так, что провинция при ее нищих и разоренных библиотеках солженицынских книг и в глаза не выдала. Лишь слышала от столичных снобов (разумеется, даже не прикоснувшись к десяти томам из 440 печатных листов), что «киричи» тяжелые и чтению не подлежат. Значит, сейчас еще не время. Значит, надо терпеливо ждать, пока дойдет до всякого читающего человека вся правда об огненном катке русских революций и вся история беспримерного подвига писателя, счастливо вырвавшего эту правду из пасти дракона. Россия без нее не обойдется.

Двадцать пять лет назад Солженицын имел вынужденный повод сказать: «Писатель, думающий иначе, чем большинство его общества, составляет богатство этого общества, а не позор и порок его». В те же семидесятые говорил о судьбе Солженицына Юрий Трифонов: «Он возвратится сюда и начнет устраивать русскую жизнь. С малого начнет, и над ним будут подсмеиваться дураки. Как с малого он начал поход против системы, а кончил полной победой над ней. Мы еще просто об этом не знаем. Он гений. Что надо понять и принять. Кое-кому трудно признать превосходство. Да и как признать, когда на шею медалики болтаются. Рядом с гением иным жить неудобно. А мне удобно!»

Но ведь и написал Солженицын, что через души, мужественные и прямые, перестраивает Бог наши несчастливые и безрассудные общества.

Людмила САРАСКИНА